

АКТУАЛЬНОСТЬ РЕШЕТНИКОВА: СТИЛЬ ПИСАТЕЛЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ УРАЛА

Созина Е. К.

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/000-0002-7462-4153>

А н н о т а ц и я. В статье обосновывается тезис об актуальности творчества Ф. М. Решетникова, уральского писателя середины XIX века, для литературы XX столетия, включая ее современный период. Произведения Решетникова вызвали ожесточенную полемику в критике его времени, его метод определяли как «народный реализм» (Н. Шелгунов) и «ультрареализм» (П. Кропоткин), но порицали за бытописание, обращенность к нерусским слоям населения, монотонность письма и пр. Современный ученый Б. М. Гаспаров вводит Решетникова в контекст предмодернистской литературы и сопоставляет его с А. Платоновым. Мы полагаем, что Решетников предвосхитил многие тенденции современной литературы, особенно той, что создается в Урало-Сибирском регионе. В его произведениях встречаются и находят художественное единство очерковый документализм и мифопоэтика, натурализм и еще не родившийся модернизм, обнажается экзистенциальность изображенной картины мира и художественного сознания самого автора. В работе осуществляется сопоставление текстов Решетникова и романа Р. Сенчина «Елтышевы» (2008): их роднит депрессивность повествования о вымирающей деревне, их герои помещаются на грани жизни и смерти, порой за чертой выживания. Обнаруживаются общие черты в поэтике Решетникова и драматургов «школы Коляды», включая самого Н. Коляду, Я. Пулинович и др. Сопоставляются приемы композиционной (монтажной) поэтики романа Решетникова «Где лучше?» и ранней пьесы Я. Пулинович «За линией» (2008). Своеобразная преемственность по отношению к Решетникову наблюдается в творчестве А. Сальникова: прослеживается жанрово-тематическая связь романов «Свой хлеб» Решетникова и «Опосредованно» Сальникова (2018), сходство в письме и стиле этих произведений, в опоре авторов на эпическую основательность изображаемого мира, «искупающую» чрезмерность описаний быта и повседневности героев. Таким образом, реалистическое письмо Решетникова, смыкающееся с натурализмом и позволяющее обнажить абсурдность и фантазмагоричность реальности, оказывается неожиданно востребовано в современном мире.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Ф. М. Решетников; Р. Сенчин; Я. Пулинович; А. Сальников; «ультрареализм»; экзистенциальный тип сознания; документализм; стиль

THE RELEVANCE OF RESHETNIKOV'S CREATIVE ACTIVITY: THE AUTHOR'S STYLE IN MODERN URAL LITERATURE

Elena K. Sozina

Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/000-0002-7462-4153>

A b s t r a c t. This article substantiates the thesis about the relevance of the works of F. M. Reshetnikov, a Ural mid-19th century writer, for the 20th century literature, as well as for modern creative writing. Reshetnikov's works caused fierce polemics among the critics of his time. His method was defined as "popular realism" (by N. Shelgunov) and "ultra-realism" (by P. Kropotkin) but the writer was criticized for describing everyday life, for turning attention to non-Russian ethnic minorities, for monotonous writing, etc. The modern literary critic B. M. Gasparov brings Reshetnikov into the context of pre-modernist literature and compares him to A. Platonov. The article argues that Reshetnikov anticipated many trends in modern literature, especially those created in the Ural-Siberian region. His works contain and artistically combine examples of documentary essayism and mythopoetics, naturalism and (as-yet-to-be-created) modernism and reveal certain existentialism of the worldview, exposing artistic consciousness of the author himself. This article compares Reshetnikov's texts with R. Senchin's novel "The Eltyshyevs" (2008): they are linked by depressive and apathetic narration about a decaying village; their characters are placed on the verge of life and death, sometimes beyond the edge of survival. The study reveals common features between Reshetnikov's poetics and that of playwrights from the "Kolyada school", including N. Kolyada himself,

Ya. Pulinovich, and others. The article also compares the methods of compositional (montage) poetics in Reshetnikov's novel "Where Is It Better?" and in an early play by Ya. Pulinovich "Behind the Line" (2008). A certain continuity with Reshetnikov can be observed in the works of A. Salnikov: there is a genre-thematic connection between Reshetnikov's novel "One's Own Bread" and Salnikov's "Indirectly" (2018), there are similarities in the writing and in the style of these works, in the author's reliance on epic solidness of the depicted world which "atones" for excessive descriptions of everyday life and characters' routine. Thus Reshetnikov's realistic writing, while being close to naturalism and exposing absurdity and phantasmagoric nature of reality, suddenly finds demand in the modern world.

Key words: E. M. Reshetnikov, R. Senchin, Ya. Pulinovich, A. Salnikov, "ultra-realism", existential type of consciousness, documentalism, style

Для цитирования: Созина, Е. К. Актуальность Решетникова: стиль писателя в современной литературе Урала / Е. К. Созина // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 219–229. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-19.

For citation: Sozina, E. K. (2021). The Relevance of Reshetnikov's Creative Activity: the Author's Style in Modern Ural Literature. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 4, pp. 219–229. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-19.

Ф. М. Решетников получил известность в свое время как писатель, сказавший новое слово в литературе реализма – создатель «народного романа» [Салтыков-Щедрин 1869], выразивший принципы «народного реализма» [Шелгунов 1871], обозначенного уральским ученым И. А. Дергачевым как «прагматический реализм» [Дергачев 2005: 29–30]. Писал он в эпоху, когда в литературе ценилась «правда жизни», изображение тех ее слоев и участков, которые прежде игнорировались высоким искусством¹. По крайней мере, таковы были конвенции демократической литературы, и в этой среде – Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Г. И. Успенского – воспитывался Решетников как писатель. Но даже при наличии этой мощной «группы поддержки» этнические и социальные типы, представленные в его творчестве, вызывали у современных ему критиков массу нареканий. Приведем лишь несколько характерных высказываний того времени, возникших, главным образом, по прочтении повести «Подлиповцы», изображавшей выход «в люди» бедняков коми-пермяцкой деревни из-под Чердыни. В. Г. Авсеенко, критик «Русского вестника», обвинял Решетникова в том, что он совсем не знал «настоящий русский народ, народ пахарей», а «ближайшее знакомство... имел с заволжскими инородцами, с мордвой, с черемисами, зырянами, с горнозаводскими бобылями, с выброшенными из духовного звания причетниками, почтальонами, с мелким

приказным чиновничеством, словом, с самыми мутными слоями русского населения» [Авсеенко 1875: 687]. Чуть позже и С. А. Венгеров называл успех «Подлиповцев» недоразумением, т. к. писатель изобразил в этом «этнографическом очерке» «быт дикарей не русского происхождения»: «подлиповцы... – „пермяки“, т. е. язычники-инородцы монгольского племени... они молятся „своим пермяцким богам“...» и «в той же степени могут пригодиться для изучения быта русского народа, сколько папуасы, с которыми они стоят на одном уровне культуры» [Венгеров 1897–1904: 184–185]. С «папуасами Миклухи-Маклая» еще раньше сравнивал подлиповцев В. В. Чуйко [Чуйко 1890]. Эти расхожие мнения критиков-недоброжелателей, несущие отчетливые колонизаторские коннотации, использовал Н. В. Шелгунов, он писал о том, что «...В Решетникове нет ничего, что бы напоминало русскую литературу предшествовавшего периода. В сочинениях Решетникова все иное... Точно путешествуешь в новой незнакомой части света, в какой-нибудь Океании» [Шелгунов 1871: 1].

П. А. Кропоткин назвал способ письма Решетникова «ультрареализмом» [Кропоткин 1907: 355], и это вполне вязалось с особым зрением писателя, особым взглядом на жизнь, позволившим ему, как уже было сказано, открыть литературе неизведанные прежде уголки России и никогда не фигурировавших в ней жителей этой страны – ее внутренних регионов, казалось бы, давно освоенных и привычно

¹Ср. высказывание самого Решетникова: «Наша литература должна говорить правду...» [Решетников, т. 6: 350].

считавшихся частью империи. Однако в контексте художественно-философского сознания XX в. его творчество обретает новое звучание и может быть отнесено к экзистенциальному типу, охарактеризовано с позиций онтологической эстетики М. Хайдеггера (см. [Созина 2009]). Стоит сказать о том, что Решетников стал не только родоначальником «народного реализма» и «народного романа» в русской литературе, но и предшественником многих писателей XX в., он определил ряд магистральных маршрутов позднейшей отечественной словесности. В одной из статей Б. М. Гаспаров сравнивает Решетникова с Андреем Платоновым и рассматривает его творчество с позиций модернизма. Он сопоставляет подлиповцев Решетникова с героями «Чевенгура», «Котлована», повести «Джан»: это жизнь на границе жизни и смерти, точнее, уже за пределами жизни, в некоей сумеречной зоне, что выражается в их речи – в ее подчеркнутом аграмматизме, потере причинно-следственных связей. Чисто ассоциативно, «по степени варварского ужаса» картина «вакханалии», данная у Решетникова в дневнике, напоминает ему портреты Иеронима Босха [Гаспаров 2014: 180–184]. Пожалуй, к этому можно добавить и наше замечание о кафкианском отсвете на сюжетах Решетникова.

Кафкианский абсурд бытия проглядывает за монотонным фиксаторским письмом Решетникова о героях, вечно ищущих, «где лучше», но так никогда и не обретающих искомого. Его подлиповцы находятся под гнетом административной системы, главная, да и единственная функция которой – «надзирать и наказывать» (по выражению М. Фуко), и финал их попыток прорваться к жизни из мира смерти – умирающей деревни Подлипной – предreshен, но они все равно проходят по всем кругам ада, попадая из кабака в тиски полиции, следствия, высиживая свой срок в полицейской камере, а затем вставая на дорогу бурлаков. Пила с Сысойкой возвращаются к тому, от чего они уходили, – к смерти, и недаром их путь начинается и замыкается образом пылающей печи, куда умершая, точнее, похороненная заживо дочь Пилы Апроська зовет и в конце концов забирает отца.

В повести Решетникова встречаются и находят некое художественное единство очерковый документализм и мифопоэтика, натурализм и еще не родившийся модернизм, обнажается экзистенциальность изображенной картины мира и художественного сознания самого автора¹. Не случайно Б. М. Гаспаров полагал его творчество выходящим в XX век, не находящим себе места в литературе его эпохи. Гротескно-натуралистический стиль письма Решетникова характерен для многих современных авторов Урало-Сибирского региона. Здесь можно вспомнить Н. В. Коляду и возвращенных им драматургов его школы «новой драмы» (А. Ю. Богачева, Я. А. Пулинович, В. В. Сигарев и др.), а также сибирского по происхождению писателя Р. В. Сенчина, ныне проживающего в Екатеринбурге. Его роман «Елтышевы» (2009) своей безнадежностью, чередой смертей, зафиксированных в сюжете, наконец, установкой автора на «правду жизни» и предельную простоту исходного материала весьма напоминает Решетникова. Развернем это сопоставление чуть подробнее.

Подлиповцы уходят из деревни, где им остается только умирать, в поисках лучшей жизни – «богачества». Деревня – вымирающее место, это неоднократно подчеркивает автор-повествователь: «Деревня Подлипная очень непривлекательна на вид», «Мало в этой деревне видится жизни. <...> не слышится веселого говора, не слышится песен, у всех точно какое-то горе, какое-то болезненное состояние. <...> Зимой еще хуже. Тогда все дома точно погребены снегом, на дороге целую неделю не видать следов человеческих... Так вот и кажется, что люди вымерли, или напала на них спячка» [Решетников, т. 1: 3–4]. И деревня, и ее жители, по замечанию Б. М. Гаспарова, словно заморожены «апатией и депрессией» [Гаспаров 2014: 187]. Стоит сказать, что именно это обстоятельство не устраивало многих критиков Решетникова: ни деревня, ни поселок/слобода у Решетникова не являются хоть сколько-нибудь идеальным местом (как требовалось по канонам народнической литературы). Жизнь рабочих, изображенная в его горнозаводских романах, ничем не лучше – она поражающе груба, жестока, исполнена неуважения к личности,

¹ А. В. Кубасов говорит о протоэкзистенциальном типе художественного сознания Решетникова [Кубасов 2017].

равнодушия и зависти людей, зачастую прямой враждебности их к друг другу – всем, кто не «я» и не «моё». В целом, Решетников вписывается в общую картину провинциального топоса с его законами социальной психологии, враждебными к личности, которая раскрывается в произведениях русской литературы всего XIX, да и XX века, по степени жесткости рядом с ним можно поставить Гл. Успенского, написавшего первую биографию Решетникова [*«Успенский»* 1971], и М. Горького, весьма уважительно, даже восторженно воспринявшего его произведения¹.

У Сенчина деревня не просто умирает – она уже находится в состоянии «послежизни», влачит некое посмертное существование (что также является одной из постоянных тем литературы последней трети XX в.), это выражено и в ряде лейтмотивных образов, и в авторском комментарии: «Но в целом деревня все та же – сонная, бедная, словно бы готовая вот-вот превратиться в горки трухи», «...тьма сгущалась все плотнее», «Еще и галки, все лето незаметно прожившие в осиннике, стали каждый вечер кружиться над крышами, суетясь и пронзительно, до слез тоскливо крича. Люди останавливались и смотрели на них; некоторые тихо и тоже со страшной тоской матерились...» [Сенчин 2009]. Вся эта жизнь, сведенная к борьбе за существование, гнетет, портит, гнет и умерщвляет еще живых людей, – нелепо и попусту погибает последний и наиболее жизнеспособный сын Елтышевых Денис, вернувшийся из заключения полным сил и веры в будущее.

Череда смертей сопровождает мир героев произведений Решетникова – таких смертей, после которых оставшимся в живых вроде бы и жить уже нечем и незачем. Такова, например, смерть в забое рабочего Токменцова из романа «Горнорабочие»: что будет с его семьей, оставшейся без кормильца, с обесцещенной дочерью, мы не знаем, т. к. роман «Горнорабочие» остался незаконченным. Погибают Пила и Сысойка, главные «подлиповцы», выведшие свои семьи из вымирающей деревни; умирает Пелагея Прохоровна, героиня лучшего романа Решетникова «Где лучше?»; на грани жизни и смерти автор оставляет персонажей боль-

шинства своих рассказов и очерков – Максю, Яшку, кумушку Мирониху... Однако если герои Решетникова – и повести «Подлиповцы», и романов «Глумовы» и «Где лучше?» – шли ИЗ деревни, то Елтышевы идут В деревню, потому что больше им некуда податься, это их последний приют, они ищут не *где им лучше*, а – *где им выжить*. «Необходимость жить дальше и есть главная елтышевская неприятность», – заметил критик Лев Пирогов [Пирогов 2009]. Поэтому вся история Елтышевых – это история умертвий, он гибнут один за другим, в финале остается одна женщина, когда-то жена и мать, но и ее уход обозначен в последней сцене.

В «Подлиповцах» Решетникова, его же очерке «Шилохвостов», ранних произведениях («Скрипач») обнаженность жизненного интереса людей, их сосредоточенность исключительно на самых простых, элементарных потребностях передается не только через выпуклое изображение физиологии жизни, но и через гротескные образы, где натурализм граничит с мистикой, поскольку зашкаливает градус реальности изображаемой картины. Тексты Решетникова оказываются близки к литературе хорора – чего стоит сцена похорон Апроськи («Подлиповцы»), когда ее похоронили живо, и из зарытой могилы раздается стон очнувшейся женщины, а Пила с Сысойкой в ужасе убегают прочь. В романе Сенчина физиология жизни также доходит подчас до фантазмагии: такова, например, история о Юрке, которого похоронили в нелюбимых им кроссовках, и он приходит в снах к жене и другу, просит, чтобы переобули. «Тот свет» к концу жизни оказывается пугающе близко и для Николая Михайловича Елтышева – он «стал не любить живых», завидует тем, кто умер, и уже вполне доверяет рассказам юркиной вдовы о посмертных блужданиях мужа и ее собственных в сновидениях. «Герои Сенчина едут в деревню, а попадают в страшный сон», – пишет о романе Андрей Мирошкин [Мирошкин 2009].

И все-таки нельзя не сказать о главном отличии семейной «саги» Сенчина от его классических предшественников, включая Решетникова (а критики к предшественникам Сенчина относили и Г. И. Успенского, и И. А. Бунина, и А. М. Горького). Герои уральского писате-

¹ В «Беседах о ремесле», говоря о своих писательских ориентирах, в первую очередь М. Горький назвал шестидесятников, а среди них – «мрачного» Решетникова [Горький 1980: 326].

ля XIX в. – жертвы обстоятельств, всего строя жизни, социальной действительности, причем социальное в лучших произведениях Решетникова доведено до экзистенциального слоя жизни. И тем не менее, все они, по выражению Н. Шелгунова, наделены «закаленной упругостью» [Шелгунов 1871: 19] – той самой волей к жизни, которой, по мысли упомянутого критика, лишены Елтышевы («...стремления жить лучше не хватает даже для того, чтобы просто жить» [Пирогов 2009]). Пила с Сысойкой уходят, однако остаются жить сыновья Пилы Павел и Иван, и живут лучше своих отцов: работают кочегарами на пароходе, пусть даже будущее их и неясно. После смерти Пелагеи Прохоровны любившие ее мужчины собираются вместе и вспоминают ее, она словно бы «живет» в их памяти. Таких случаев в произведениях Решетникова крайне немного, но они есть. Казалось бы, после Елтышевых тоже остается ребенок, сын убитого отцом Артема, да он носит другую фамилию и, скорее всего, никогда не узнает, что он – Елтышев, как бы не пыталась Валентина Викторовна в предсмертном рывке внушить это испуганному мальчишке. Елтышевы умирают – и никто не вспомнит и не пожалеет о них, не придет попрощаться – как никто не пришел попрощаться с Артемом, Денисом, не говоря об отце, Николае Михайловиче. Многозначительна, даже назидательна последняя фраза романа Сенчина – когда сползает, умирая, по ограде штакетника Валентина Викторовна, последняя из семьи: «Площадка садика, проулок были пусты. Помочь ей было некому» [Сенчин 2009].

Елтышев, глава рода в романе Сенчина, – и пассивная жертва обстоятельств (его лишают ведомственной квартиры, и он поехал в деревню, в дом тетки жены, будучи совершенно не привычен к деревенской жизни, даже не пытаясь найти другой вариант в городе), и в то же время сам виновник своих и общесемейных несчастий, и в прямом смысле преступник, палач своей семьи. Обыденность смертей, обыденность убийств – они происходят словно сами собой, словно нет других вариантов жизни. Эта модальность в изображении обыкновенного зла жизни, рождающей смерть, и смерть насильственную, роднит Сенчина с режиссером Андреем Звягинцевым, достаточно вспомнить фильмы последнего

«Елена», «Нелюбовь», «Изгнание». Николай Михайлович Елтышев несет тьму и беспросветность в собственной душе, он беззащитен по отношению к злу и насилию как социальному, так и личному: неожиданно убивает соседа, обманувшего его, случайно – своего сына; лишь тетку Татьяну, похоже, он убивает вполне сознательно. Недаром он сделан автором милиционером и человеком неожиданно сильным, не ведающим пределов своей силы, и потому терпит наказание за преступления в той жизни, которую он не про-, а из-живает, в гибели последнего сына, надежды семьи: так деревня, сама насквозь криминальная, мстит убийце, вторгшемуся в их ряды. Здесь нет катарсиса, хотя трагедия есть, но она за рамками сознания героев. В то же время нельзя сказать, что вся вина у Сенчина перенесена исключительно на самого персонажа. Разрушительные процессы стимулирует социум: под прикрытием милицейского звания Николай Михайлович жил бездумно и равнодушно, и если бы его преступление не раскрылось, все продолжалось бы по-прежнему, он мог погубить еще немало людей. Затем его просто выдворяют из квартиры, по сути дела, государство кидает его – как и те семьи, которые оказались рядом с Елтышевыми в той же деревне: переселенцы из Тувы, с Урала. Каждый «выкручивается» как может, и перед лицом проблемы выживания все средства оказываются хороши.

Проза Решетникова депрессивна, исполнена драматизма, и это закономерно: сдвинулся с орбиты тот мир, который существовал в России веками. Писатель показывает исход мужиков из деревни, горнорабочих – из своих заводских уральских поселков, и в поиске «где лучше» эти люди исхаживают много пространства, исчерчивают страну своими путями-дорогами. В произведении Сенчина мы наблюдаем обратный процесс – замыкание городских людей в пределах деревни, превращающейся в криминальную зону, в место смерти и преступления. Поэтому мир, изображенный Сенчиным, устремлен в пустоту, за ним нет будущего. Перед нами предстают начало и конец индустриальной эры, захватившей Россию в середине XIX в. и истратившей себя к концу века XX-го.

Неожиданную преемственность с романами Решетникова обнаруживает, на наш взгляд,

и творчество современного уральского писателя, поэта А. Б. Сальникова. Казалось бы, характер их творческого дарования совершенно различен: в прозе Сальникова сильно игровое, карнавальное, а нередко и фантастическое начало, Сальников метатекстуален – как и «положено» прозе начала нового столетия. Решетников порой невыносимо серьезен и прямолинеен, что соответствует наклонностям отечественной классики XIX в. Но между романами «Свой хлеб» Решетникова (1870) и «Опосредованно» Сальникова (2018) связь в первую очередь жанровая и образно-тематическая: это роман о женщине, выбирающей свой путь в жизни и уже поэтому относимой к разряду «новых женщин», «новых людей», которых так любила изображать отечественная литература в XIX веке. «Новизна» Дарьи Андреевны в романе Решетникова «Свой хлеб» состоит в том, что она решает отказаться от замужества, уготованного ей отцом, отвергает привычные для девушки ее круга (чиновничья среда) способы жизни, вступая таким образом в конфликт с семьей, и вскоре после смерти отца уходит из дома, чтобы самой обеспечивать себя – иметь «свой хлеб». Она ни в коей мере не нигилистка, не радикалка – это обычная девушка, чуть более самостоятельная, решительная и внутренне свободная, нежели окружающие ее женщины, по отношению к ним она и выступает как «новая», «другая». К героине Сальникова это определение применимо весьма условно – скорее, она «особенная» женщина, хотя совершенно не в том смысле, который вкладывался в эту формулу в известном романе Н. Г. Чернышевского. Елена у Сальникова открывает в себе дар писания «стишков», оказывающих наркотическое действие на читателей и слушателей и в случае «передозировки» способных довести человека до смерти. Поэтому в обществе, в котором она живет, творчество строго карается законом. Но фантастический вымысел, введенный автором романа, не отрывает героев от мира житейской прозы, Елена живет как бы в двух пересекающихся мирах: в обыденном она жена и мать, учительница математики в школе, а в мире своего рискованного творчества она автор опасных для жизни текстов, вынужденная встречаться с криминалом и все время идти по грани. Временами она пытается оставить «стишки», но они находят

ее сами. Именно обыденная явь повседневности – бесконечная возня с родственниками и их проблемами – держит Лену на поверхности жизни и не позволяет отдаться «приходу» или «холодку» (т. е. расстаться с жизнью). У героини Решетникова нет ничего, напоминающего увлечение Лены, но стоит обратить внимание на некоторые традиционные для литературы сюжетные повороты в судьбах обеих героинь. Дарья Андреевна становится швеей (ибо в XIX веке простой женщине без образования и связей трудно было найти иное место в жизни, хотя бы относительно обеспечивающее ее). Лена у Сальникова, когда от нее уходит муж, также некоторое время зарабатывает на жизнь шитьем. Обе героини в трудных жизненных коллизиях надеются прежде всего на себя, больше им надеяться не на кого.

Пожалуй, важная общая черта, сближающая Решетникова и двух современных прозаиков, о которых идет речь, Сенчина и Сальникова, – это их тяготение к быту, к изображению самой прозаической, самой, казалось бы, обыденной и непривлекательной стороны жизни, со всех сторон окружающей, даже засасывающей героев. Тяготением к долговому и прочному описанию быта, нудно тянущейся повседневности отличается стиль Сенчина – певца «серой паутины будней, мелких забот и горестей, бытописателя» с редким (пусть и недобрым) чувством детали и характера» [Мирошкин 2009]. Но «бытовизм» Сенчина чаще всего социален: не случайно «метафорой национального упадка» назвал роман «Елтышевы» Л. Пирогов, а, например, в романе Сенчина «Дождь в Париже» (2018) герой оказывается в Париже исключительно для того, чтобы осуществить затяжную рефлексию над своей жизнью, для автора же это становится способом показать жизнь обычного человека в девяностые годы, обнажить проблемы, с которыми сталкивались люди, выразить свое отношение к власти. Распутывать «паутину» мелочей, в которой блуждают персонажи Сенчина, для читателя порой мучительно: слишком мала дистанция между героем и автором, между героем и читателем, нередко переживавшим похожие коллизии в суровые 1990-е гг., слишком обостренный, проникающий психологизм наряду с беспросветностью общего течения жизни, захваченной «политизированным» бытом, ха-

рактен для письма Сенчина. Совсем иной интерес к быту у Сальникова, которого неоднократно упрекали в бытописательстве, якобы мешающем развитию его полудетективных, полуфантастических сюжетных историй. Так, по мнению Галины Юзефович, «Двум историям очевидно некомфортно под одной обложкой, они отказываются срастаться, и даже главная героиня разваливается на двух не слишком похожих друг на друга Лен – Лену-вдохновенную поэтическую наркоманку и Лену-мать, мачеху и жену» [Юзефович 2019]. На наш взгляд, бытовая линия жизни Сальникову прямо необходима, она придает его романам эпическую устойчивость, он сам откровенно любит ее – этой обычной жизнью с чередой обедов и ужинов, обилием родственников, садов и огородов, где все так любят встречаться и устраивать совместные застолья; эта повседневность нужна автору, и она «спасает» его героев. В этом плане Решетникова можно поместить между Сенчиным и Сальниковым. В его эпоху бытописание было постоянным уделом писателя-реалиста, и Решетников нередко превышал норму описаний быта, характерную даже для того времени, однако его бытописание несло важную эпическую нагрузку: оно выступало выражением нескончаемого потока жизни, в который погружены его неприметные герои и который постоянно толкает их туда, «где лучше», – жизни, продолжающейся и после смерти действительно лучших из них. Письмо Сальникова отдаленно напоминает стиль Решетникова: вязкое, полное деталей и ненужных подчас подробностей, застревающее на каждой мелочи, так что психологизм и индивидуальность героини растворяются в обыденности, теряются – чтобы вновь возникнуть из этих мелочей, в шероховатом слове героини о себе, которое передает за нее автор. Вот примеры слога этих двух писателей, рассказывающих о неладах в семьях героинь:

«От всех этих сцен и разговоров у Дарьи Андреевны заболела и закружилась голова, точно она была в горячке. Она сразу увидела столько гадости в ее родне, что отцовский дом показался каким-то адом. Она уже не могла больше жить в нем, не могла, конечно, ехать ни к брату, ни к дяде. Ей хотелось поговорить с кем-нибудь, но она была одна: на сестру надеяться нечего. <...> И действительно, изо всей

ее родни остается только один отец, который любит еще ее, которого, может быть, обкрадывают, обижают, смерти которого, может быть, все ждут» [Решетников, т. 5: 72].

«После того как аффект у старших в семье прошел, то есть перестали они по десять раз за вечер врывать к Лене в комнату с вопросом «что делаешь?», прекратили первыми бежать к телефону, к двери, устали выяснять, где и как долго пропадала Лена, тем более что нигде она особо не пропадала... Лена оказалась внезапно предоставлена сама себе. Некое отчуждение пролегло между нею и двумя другими членами семьи. Иногда Лена чувствовала себя едва ли не в школе, будто снова оказалась в своем классе» [Сальников 2018: 33].

Речь повествователя разомкнута в сферу сознания и речи героини, что выражается в нередких синтаксических инверсиях, пропусках логических связей, в доверительной интонации речи, словно повествователь лично знаком с героиней, она внутренне близка ему, и ему важно вызвать аналогичное отношение у читателя.

Роман Решетникова, начинаясь как семейный роман, по ходу сюжета нарушает эту модель: его героине мало быть просто в семье, она и замуж особо не стремится, так что в финале отправляется из провинции в Петербург, чтобы выучиться и стать акушеркой. Упомянем, что таким был путь жены Решетникова Серафимы Семеновны Каргополовой, уроженки г. Осы в Пермской губернии, приехавшей в Петербург и получившей там профессию акушерки (повивальной бабки). Аналогом творческого дара Елены («Опосредованно») становится в романе Решетникова неумное стремление Дарьи Андреевны к самоопределению, осуществлению себя, толкающее ее «вон из дому и из этого города» [Решетников, т. 5: 306]. Роман Сальникова в завершение приводит-таки главную героиню к семейной модели, и даже с некоторыми «прибавками»: к ней возвращается бывший муж, рядом выросшие дети, она счастлива, а «стишки» остаются внутри нее – законами стихосложения она меряет свою жизнь и свои отношения с многочисленными родственниками, таков внутренний монолог Елены в финале романа. Таким образом, оба произведения говорят о женском самоопределении и женском счастье, в котором есть

и типологически общие черты, и своеобразие, определяемое эпохой, меняющейся жизнью. Роман Сальникова написан тяжеловесным, немного архаичным для начала XXI века языком, но, может быть, именно благодаря этому в нем удачно передаются метания женщины, ее неуспокоенность и невозможность для нее быть вне жизни и вне самой себя, женщины, для которой ее связь с родными людьми и их повседневностью осмысливается и навеки закрепляется в слове и образе.

Близость Решетникова сегодняшней литературе подчас обнаруживается в отдельных элементах его поэтики, в переключках с произведениями нашего времени не только в области проблематики, языка и стиля. Роман «Где лучше?» открывается картиной, словно взятой из готового фильма. Экспозиция дана отрывочными, чисто «декорационными» фразами: «Зима. Небо заволкло тучами. Дует резкий ветер» [Решетников, т. 4: 5]. Первый кадр – шалаш полесовщика на большой дороге. Второй – приближающиеся к нему путники, их разглядывает полесовщик, они же даются в движении, словно в придвигающейся к нему (и к читателю-реципиенту) «камере», портреты путников даны по одной и той же схеме: «Впереди шел мужчина лет сорока восьми, с корявым широким лицом... <...> За ним шел человек лет двадцати восьми, с бледным привлекательным лицом... <...> Шагах в двух от него шла женщина лет двадцати, с румяным правильным лицом, карими глазами. <...> За женщиною шли рядом два мальчика...» [Решетников, т. 4: 5]. Воссоздающийся здесь образ – это образ не конкретного человека, но некоего общего движения, общего потока, захватившего крестьян и заставляющего их, будто подхваченными ветром, нестись по России. «Куда бог несет? – спросил, улыбаясь, полесовщик, глядя на лицо подошедшего мужчины. – Туда, где лучше» [Решетников, т. 4: 6]. Затем фигуры «ходовков» приближаются к нам и превращаются в заглавных персонажей романа. Эта композиционная поэтика монтажа, использованная автором в романе, вероятно, была связана с склонностью Решетникова к драматургии – в юности он пробовал писать пьесы.

А вот как начинается ранняя пьеса Я. Пулинович «За линией» (2008), ее жанровое обозначение, данное автором, – киносценарий:

«Осень. Раннее утро. По размокшей, прокисшей от грязи дороге идут двое. Костя – мужчина в светлом пальто, и девочка лет пяти, одетая в цветную куртку и шапку-„буратино“. В руках у мужчины черный портфель и дорожная сумка, за плечами детский ярко-красный рюкзак.

<...> Мужчина и девочка проходят элеватор, магазин „Хозяюшка“ и сворачивают на заброшенную железную дорогу. Идут по рельсам. В ботинках чавкает грязь» [Пулинович 2008].

Мужчина приводит дочку в семью сестры, где и без того трое детей, а на подходе четвертый, и уходит. Через какое-то время он вернется – купит подарки дочери, прокатит ее на карусели и уйдет вновь, чтобы до конца пьесы уже не возвращаться. Действие пьесы (или предполагаемого фильма) посвящено детям – они все, вместе с взрослыми, живут «за линией» нормальной жизни, но они по-своему счастливы, родители любят их, и оставшаяся сиротой Алина, вспоминающая мать и постоянно ждущая отца, не одинока. Дети, как это и свойственно детям, постоянно совершают челночные перемещения – они бегают вдоль линии, по ту и другую сторону от нее, они в непрестанном движении, ограниченном, однако, локусом линии и ее за-пространством. В финале дом сгорает, семья остается без крова – им дает приют соседка, но ощущения безысходности нет. Наконец, вот последняя сцена, сопровождаемая ремаркой автора:

«Лето. По пыльной дороге бегут пятеро девочек, катят крылатый велосипед. Обгоревшие, раскрашенные всеми цветами крылья хлопают на ветру. Тут же несется Найда, путается у всех в ногах, лает. Девочки смеются. Позади всех бежит подросший Макся, на ходу ковыряясь в носу, что у него, кстати, очень ловко получается» [Пулинович 2008].

Здесь уже нет линии – есть дорога, и это примечательное изменение топографии движения персонажей. Мир «за-линии» оказывается не замкнут шпалами и рельсами, а в мир детей входит не только заброшенный и обжитый бомжами вагон, но и, пусть обгоревший, «крылатый велосипед». Обратим внимание на предлог «за», употребляемый автором. Героиня романа Решетникова, Пелагея Прохорова, придя в Петербург и не найдя там достатка, помышляет: «Неужто за Питером люди

живут лучше?» [Решетников, т. 4: 249]. Смерть останавливает ее движение, да и дальше – за Питер – идти, казалось бы, некуда, все неотомимые ходки Решетникова оседают в нем, но само их движение-бег по России предполагает возможность выхода вперед себя, заступление за черту, и значит – за Питер. У Пулинович уходят и иногда возвращаются, иногда нет, мужчины – женщина привязана к детям и дому. Но вот дома не стало – и дети, словно отпущенные на свободу, пускаются в свой путь «по пыльной дороге», теперь их вряд ли оставишь.

Нельзя не упомянуть, что Пулинович дает детям очень уральские имена: Макся, Окся... У Решетникова есть рассказ по имени героя – «Макся». «Трудная жизнь досталась Максе без отца, без матери и без родных», «много принял <он> горя» [Решетников, т. 1: 246], терпел «тиранство» в бурсе, служил звонарем, потом почтальоном, ездил по дорогам с почтой, пристрастился к водке, за буйство был уволен; из жалости его приютил «один стационарный смотритель», но, по его словам, Макся «с ума сходит», так что финал его жизни и неизвестен, и вместе с тем предreshен. «Что будет потом с Максей – не знаю и разрешать этот вопрос предоставляю другим» [Решетников, т. 1: 278], – завершает рассказ автор-повествователь. Драматургическое творчество Я. Пулинович и А. Богачевой, обращенное к самым низшим, самым необеспеченным слоям населения – натуральным «мизераблям» и «париям», как называли их в XIX веке, «бомжам», как называют сегодня, продолжает эту линию, идущую от натуральной школы 1840-х гг. к Решетникову, сделавшему своими героями людей всеми презираемых и гонимых, часто бездомных, которых гонит по свету их сиротская судьба, но – людей же...

Преимственная связь с творчеством Решетникова в произведениях рассмотренных нами писателей пролегает в разных направлениях, на разных уровнях их творческого метода или письма. Своего рода гротескный реализм, граничащий с натурализмом, характерен для многих представителей новейшей литературы, для уральской словесности он специфичен вдвойне. Как известно, к «новым реалистам» отнес себя сам Сенчин (Р. Сенчин «Новый реализм», 2007). Собственно, к этой же линии

принадлежат и драматические произведения Я. Пулинович – фантазмагорические сцены, частые в ее пьесах, лишь усиливают гротескную реалистичность и жесткость авторской манеры; в этом ключе можно было бы охарактеризовать также тексты В. Сигарева, не затронутые в нашей статье. К метареализму следует отнести творчество А. Сальникова, обнаруживающее близкую Решетникову жесткость и суровость в изображении непоэтичной уральской действительности (отметим возрастание градусу этой суровости, в обыденной речи называемой «чернушностью», в фильме К. Серебренникова по роману Сальникова «Петровы в гриппе», 2020). Общей чертой упомянутых авторов может быть признан их нескрываемый интерес и симпатия к маленькому, незаметному, обычному человеку, в конце XIX в. ставшему «средним» человеком. Зачастую он предстает в их произведениях как маргинал, выброшенный на обочину жизни, потерявший все свои ориентиры и былые ценности, поэтому его существование происходит на самом низовом, поистине «трусобном» уровне. У Решетникова он всецело занят нескончаемым тяжким трудом; выживанием озабочены герои Сенчина, Батуриной, нередко и Пулинович, но даже в этой «борьбе за жизнь» (которую считал главной темой Решетникова М. Е. Салтыков-Щедрин) обнаруживаются ростки своеобразной идеальности или даже поэзии, некий «просвет бытия», говоря высоким слогом М. Хайдеггера. Поточность жизни, поглощаемой, но не поглощенной трудным, тяжелым бытом, дает эпическую основательность прозе писателей-реалистов, а сама однообразная жизненная повседневность с ее вечной заботой о хлебе насущном может быть представлена и как череда серых буден (произведения Р. Сенчина), и как повседневность, одушевленная авторским отношением к быту как к самой нужной и прямо необходимой стороне человеческой жизни (А. Сальников).

Указанные особенности художественного сознания находят выражение в способе повествования, в стилистике произведений писателей. «Трудолюбивым, но небрежным писателем» назвал Сенчина С. Беляков. И он же отмечал, что его стиль «максимально реалистичен, близок „правде жизни“» [Беляков 2011]. О «плохописи» Решетникова в его вре-

мя писали многие критики, сам Салтыков-Щедрин вычитывал и правил его лучший роман «Где лучше?» для публикации в журнале. Но следует помнить, что в определенные периоды развития литературы именно плохой, нарочито небрежный, простой стиль означает сдвиг в содержании, указывает на новизну картины жизни, изображаемой автором. В прозе Сальникова порой возникает эффект намеренной усложненности стиля, поскольку в повествовании он стремится соединить свою точку зрения, свой кругозор с точкой зрения персонажей – их «окружение» (М. М. Бахтин) входит в зону авторского видения, что связано с безусловной, хотя не всегда открытой, привязанностью автора к своим героям, с их общим опытом и отношением к жизни. Это не мешает «простоте» изложения в произведениях Сальникова, ведь он рисует своих героев как давних знакомцев, и так же коротко он «знаком» со своим читателем. Солидарный жизненный опыт объединяет героев и автора в произведе-

ниях Решетникова, но для него, даже при наличии искреннего сочувствия к персонажам, характерна безусловная дистанция между автором и изображаемым миром. Эта дистанция нарушается в ранних произведениях писателя (особенно в «Подлиповцах», где палитра авторского сочувствия к героям чрезвычайно разнообразна) и возрастает в романах и небольших рассказах, что можно объяснить установкой тогдашней реалистической литературы на объективизм и фактографичность и условиями работы самого писателя. Густая предметность и детальность письма, широкий охват изображаемого мира, драматическое, иногда прямо драматургическое построение сюжетных сцен, архетипическая насыщенность действия, экзистенциальное измерение смыслового пространства сюжета – все эти качества поэтики уральского писателя XIX века в преобразованном виде перейдут в письмо авторов XX столетия и окажутся востребованы в современной литературе.

Литература

- <Авсеенко, В. Г.>. Реальная беллетристика. Сочинения Ф. М. Решетникова. Изд. К. Т. Солдатенкова / В. Г. Авсеенко // Русский вестник. – 1875. – № 4. – С. 671–704.
- Беляков, С. Роман Сенчин: неоконченный портрет в сумерках / С. Беляков. – Текст : электронный // Урал. – 2001. – № 10. – URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2011/10/roman-senchin-neokonchennyj-portret-v-sumerkah.html> (дата обращения: 15.10.2021).
- Венгеров, С. А. Решетников Федор Михайлович / С. А. Венгеров // Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней): т. 1–6. Т. 6. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1897–1904. – С. 182–191.
- Гаспаров, Б. Платонов и Решетников / Б. Гаспаров // Quaestio Rossica. – 2014. – № 2. – С. 176–192.
- Горький, М. О литературе / М. Горький. – М. : Советская Россия, 1980. – 480 с.
- Дергачев, И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк в литературном процессе 1870–1890-х гг. / И. А. Дергачев. – Новосибирск : СО РАН, 2005. – 283 с.
- Кропоткин, П. А. Идеалы и действительность в русской литературе / П. А. Кропоткин ; пер. с англ. В. Батуринского под ред. автора. – СПб. : Знание, 1907. – 368 с.
- Кубасов, А. В. Художественно-документальная очерковая проза Ф. М. Решетникова / А. В. Кубасов ; Урал. гос. пед. ун-т. – [Б. м.] : Издательские решения, 2017. – 95 с.
- Мирошкин, А. Бесплодная почва / А. Мирошкин. – Текст : электронный // Частный корреспондент. – 2009. – 14 окт. – URL: http://www.chaskor.ru/article/besplodnaya_pochva_11315 (дата обращения: 15.10.2021).
- Пирогов, Л. Роман Сенчин. Ёлтышевы / Л. Пирогов. – Текст : электронный // Литературная газета. – 2009. – № 44. – URL: <https://www.rulit.me/books/literaturnaya-gazeta-6249-44-2009-read-168032-25.html> (дата обращения: 15.10.2021).
- Пулинович, Я. За линией. (Три дня из маленькой жизни). Киносценарий / Я. Пулинович. – Текст : электронный // Урал. – 2008. – № 4. – URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2008/4/za-liniej.html> (дата обращения: 15.10.2021).
- Решетников, Ф. М. Полн. собр. соч. : в 6 т. / Ф. М. Решетников ; под ред. И. И. Векслера. – Свердловск : ОГИЗ, 1936–1948.
- <Салтыков-Щедрин, М. Е.>. Где лучше? Роман в двух частях Ф. Решетникова / М. Е. Салтыков-Щедрин // Отечественные записки. – 1869. – Т. 183, № 4. – С. 270–273.
- Сальников, А. Опосредованно. Роман / А. Сальников // Волга. – 2018. – № 9–10. – С. 7–134.
- Сенчин, Р. Елтышевы. Роман / Р. Сенчин. – Текст : электронный // Дружба народов. – 2009. – № 3, 4. – URL: <https://magazines.gorky.media/druzhiba/2009/3/eltyshevy.html> (дата обращения: 15.10.2021).
- Созина, Е. К. Индивидуальное и общее в судьбе и творчестве литератора-разночинца: размышления над прозой Ф. М. Решетникова / Е. К. Созина // Уральский исторический вестник. – 2009. – № 1 (22). – С. 41–50.
- <Успенский, Г. И.>. Некролог. Ф. М. Решетников / Г. И. Успенский // Отечественные записки. – 1871. – Т. 195, № 4. – С. 419–436.

Чуйко, В. В. Беллетрист-самородок. (По поводу нового издания сочинений Ф. М. Решетникова) / В. В. Чуйко // Наблюдатель. – 1890. – № 8. – С. 45–68.

Шелгунов, Н. Народный реализм в литературе. (Сочинения Ф. Решетникова. 2 части. СПб. 1869) / Н. Шелгунов // Дело. – 1871. – № 5. – С. 1–45.

Юзефович, Г. Автор «Петровых в гриппе» написал «Опосредованно» — роман про мир, где стихи считаются наркотиками / Г. Юзефович. – Текст : электронный // Медуза. – 2019, 2 февр. – URL : <https://meduza.io/feature/2019/02/02/avtor-petrovyh-v-grippe-napisal-oposredovanno-roman-pro-mir-gde-stihi-schitayutsya-narkotikami> (дата обращения: 15.10.2021).

References

<Avseenko, V. G.> (1875). Real'naya belletristika. Sochineniya F. M. Reshetnikova. Izd. K. T. Soldatenkova [Real Fiction. Works by F. M. Reshetnikov. Ed. K. T. Soldatenkov]. In *Russkii vestnik*. No. 4, pp. 671–704.

Belyakov, S. (2011). Roman Senchin: neokonchennyi portret v sumerkakh [Roman Senchin: Unfinished Portrait at Dusk]. In *Ural*. No. 10. URL <https://magazines.gorky.media/ural/2011/10/roman-senchin-neokonchennyi-portret-v-sumerkah.html> (mode of access: 15.10.2021).

Dergachev, I. A. (2005). D. N. Mamin-Sibir'yak v literaturnom protsesse 1870–1890-h gg. [D. N. Mamin-Sibir'yak in the Literary Process of the 1870s – 1890s]. Novosibirsk, Siberian Branch of RAN. 283 p.

Gasparov, B. (2014). Platonov and Reshetnikov [Platonov and Reshetnikov]. In *Quaestio Rossica*. No. 2, pp. 176–192.

Chuyko, V. V. (1890). Belletrist-samorodok. (Po povodu novogo izdaniya sochinenii F. M. Reshetnikova) [Nugget Fiction Writer. (Regarding the New Edition of F. M. Reshetnikov's Works)]. In *Nablyudatel'*. No. 8, pp. 45–68.

Gor'ky, M. (1980). O literature [About Literature]. Moscow, Sovetskaya Rossiya. 480 p.

Kropotkin, P. A. (1907). *Idealy i deistvitel'nost' v russkoi literature* [Ideals and Reality in Russian Literature] / transl. by V. Baturinsky, ed. by the Author. Saint Petersburg, Znaniye. 368 p.

Kubasov, A. V. (2017). *Khudozhestvenno-dokumental'naya ocherkovaya proza F. M. Reshetnikova* [Fiction and Documentary Essay Prose by F. M. Reshetnikov] . [B. m.], Izdatel'skie resheniya. 95 p.

Miroshkin, A. (2009). Besplodnaya pochva [Barren Soil]. In *Chastnyi korrespondent*. 14.10. URL: http://www.chaskor.ru/article/besplodnaya_pochva_11315 (mode of access: 15.10.2021).

Pirogov, L. (2009). Roman Senchin. Yoltyshevy [Roman Senchin. Eltyshesvs]. In *Literaturnaya gazeta*. No 44. URL: <https://www.rulit.me/books/literaturnaya-gazeta-6249-44-2009-read-168032-25.html> (mode of access: 15.10.2021).

Pulinovich, Ya. (2008). Za liniei. (Tri dnya iz malen'koi zhizni). Kinostsenarii [Behind the Line. (Three days from a Small Life). Screenplay]. In *Ural*. No 4. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2008/4/za-linie.html> (mode of access: 15.10.2021).

Reshetnikov, F. M. (1936–1948). *Polnoe sobranie sochinenii: v 6 tomakh* [Complete Works, in 6 vols.] / ed. by I. I. Vekslers. Sverdlovsk, OGIZ.

<Saltykov-Shchedrin, M. E.> (1869). Gde luchshe? Roman v dvukh chastyakh F. Reshetnikova [Where is better? A Novel in two parts by F. Reshetnikov]. In *Otechestvennye zapiski*. Vol. 183. No. 4, pp. 270–273.

Sal'nikov, A. (2018). Oporedovanno. Roman [Indirectly. Novel]. In *Volga*. No. 9–10, pp. 7–134.

Senchin, R. (2009). Yeltyshevy. Roman [Eltyshesvs. Novel]. In *Druzhba narodov*. No. 3, 4. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2009/3/eltyshevy.html> (mode of access: 15.10.2021).

Sozina, E. K. (2009). Individual'noe i obshchee v sud'be i tvorchestve literatora-raznochintsya: razmyshleniya nad prozoi F. M. Reshetnikova [Individual and Common in the Fate and Work of a Common Writer: Reflections on the Prose of F. M. Reshetnikov]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 1 (22), pp. 41–50.

Shelgunov, N. (1871). Narodnyi realizm v literature. (Sochineniya F. Reshetnikova. 2 chasti. SPb. 1869) [Popular Realism in Literature. (Works of F. Reshetnikov, in 2 parts. Saint Petersburg 1869)]. In *Delo*. No. 5, pp. 1–45.

<Uspensky, G. I.> (1871). Nekrolog. F. M. Reshetnikov [Obituary. F. M. Reshetnikov]. In *Otechestvennye zapiski*. Vol. 195. No. 4, pp. 419–436.

Vengerov, S. A. (1897–1904). Reshetnikov Fedor Mikhailovich [Reshetnikov Fedor Mikhailovich]. In Vengerov, S. A. (Ed.). *Kritiko-biograficheskii slovar' russkikh pisatelei i uchenykh (ot nachala russkoi obrazovannosti do nashikh dney)*, in 6 vols., vol. 6. Saint Petersburg, tip. M. M. Stasyulevicha, pp. 182–191.

Yuzefovich, G. (2019). Avtor «Petrovykh v grippe» napisal «Oporedovanno» — roman pro mir, gde stikhi schitayutsya narkotikami [The Author of “Petrovs in the Flu” wrote “Indirectly” – a Novel about a World where Poetry is considered Drugs]. In *Meduza*. 02.02. URL: <https://meduza.io/feature/2019/02/02/avtor-petrovyh-v-grippe-napisal-oposredovanno-roman-pro-mir-gde-stihi-schitayutsya-narkotikami> (mode of access: 15.10.2021).

Данные об авторе

Созина Елена Константиновна – доктор филологических наук, профессор, заведующий центром истории литературы, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620108, Россия, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16.

E-mail: elenasozina1@rambler.ru.

Authors' information

Sozina Elena Konstantinovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Center for the History of Literature, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Ekaterinburg, Russia).